

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В 1917—1941 гг.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОСЧЕТЫ

В. В. Запарий

Автором предложена периодизация промышленной политики, выделены этапы и представлен краткий анализ их основного содержания. Работа рассматривает комплекс управленческих решений, принятых партией относительно военной промышленности в контексте социально-экономических и военно-политических событий той эпохи. Дана оценка большевистскому эксперименту по построению социалистической, командно-бюрократической модели управления экономики, рассмотрены причины ее формирования. В статье показан противоречивый характер итогов форсированной индустриализации в годы первых пятилеток, дана оценка качества полученного военно-технического потенциала. Показана трансформация взглядов большевистской партии на роль военной промышленности: от относительно нейтрального, обусловленного необходимостью стабилизации, в ожидании «мировой революции», до классического, советского подхода, предполагавшего первостепенное внимание к нуждам военного производства в рамках построения «социализма в отдельно взятой стране».

Ключевые слова: Октябрьская революция, социалистическая экономика, военная промышленность, политика, модернизация, большевизм, индустриализация.

Великая Октябрьская социалистическая революция, явила собой событие действительно всемирно исторического масштаба, поскольку запущенный и реализованный большевиками проект переустройства страны, при всей своей противоречивости, оказал далеко идущие влияние не только на все сферы общественно-экономической жизни в России, но и во всем мире. Опыт революционных трансформаций Советской России, в силу имевших место противоречий до настоящего времени неоднозначно оценивается как в исторической науке, *культурной политике государства*, так и в народной памяти. По пришествию ста лет после Октябрьских событий 1917 г. страна до сих пор находится в состоянии духовно-нравственного раскола в восприятии революции и всего комплекса социально-политических процессов, ими порожденных.

Несмотря на то, что Российская империя являлась государством, с запаздывающим развитием капитализма, сословными ограничениями в общественной жизни и особой «имперской» моделью модернизации она, тем не менее, осваивала современные технологии, генерируемые ведущими капиталистическими странами [3, с. 38—43].

Поэтому большевикам досталась страна со средним уровнем развития. Особенностью ее была многоукладность экономики и неразвитость инфраструктуры. Противоречивость и незавершенность либеральных реформ Александра II не позволяли стране перейти на качественно новый уровень экономического развития. Социальная трансформация общества в сторону модерна в силу этих причин так и не была завершена [7 с. 69—71].

При явном успехе одних отраслей экономики, многие системообразующие направления машиностроения (станкостроение, автомобилестроение, тракторостроение, химическая и радиоэлектронная отрасли) оказались слабо развитыми или вообще отсутствовали. Общие же мобилизационные возможности Российской империи оказались значительно ограничены, а в условиях развернувшейся Первой

мировой войны переход к милитаризации экономики происходил медленными темпами.

Следует подчеркнуть, что традиционно, вне зависимости от типа власти и идеологии, в промышленной политике Российской государства развитие военной составляющей всегда оставалось и остается приоритетным, что объясняется его расположением на карте мира и определенными претензиями на право быть полноправным субъектом мирового политического процесса. Поэтому любые кардинальные экономические реформы в стране, в первую очередь затрагивали военную промышленность [3, с. 87—88]

Накануне Первой мировой войны страна обладала военно-экономическим потенциалом, достаточным для организации, наращивания и своевременного развертывания мощностей по выпуску военной продукции в соответствии с предстоящими (по довоенным оценкам) потребностями фронта. В силу просчетов военного ведомства относительно сроков и характера войны, через несколько месяцев после мобилизации армии, в ее снабжении обнаружили острые диспропорции. Особенно это касалось стрелкового оружия, артиллерийских систем и снарядов. Нехватку стрелкового оружия, пулеметов и артиллерии, минометов и боеприпасов к ним приходилось покрывать за счет экспорта [10, с. 51—52].

В ходе войны большие проблемы проявились с новыми типами вооружений. Так производство бронемашин и аэропланов, которое до войны существовало в зачаточном состоянии, в военное время оказалось плохо отлаженным. В основном сборка такой техники осуществлялась малыми сериями, на основе закупаемых за границей комплектующих. Таким образом, на работавших в Российской империи с 1909 по 1917 гг. 20 небольших авиационных заводах, было выпущено: в течение 1915 г. — 772 самолета, в 1916 г. — 1384 единицы. Это выглядит явно недостаточно при общей потребности фронта в 10 тыс. самолетов в год [10, с. 53].

Бронеавтомобили производились мелкосерийно на Русско-Балтийском и Путиловском заводах, путем бронирования коммерческих грузовиков иностранного производства. Создать аналоги английских и французских гусеничных боевых машин до революции так и не удалось.

Испытывая постоянно трудности, только ко второй половине 1916 г. военная промышленность Российской империи смогла выйти на пиковые показатели своей производительности, за которой, через несколько месяцев, последовал спад, обусловленный износом оборудования, истощением запасов сырья и инструмента, усталостью рабочих и инженеров, работавших по трех сменному графику.

Ход чрезвычайного развития экономики в условиях войны нарушила сначала Февральская, а затем и Октябрьская революции, которые привели к власти совершенно иные политические силы с другими политическими и экономическими приоритетами.

Отношение к военной промышленности пришедших к власти большевиков было не однозначным и, на наш взгляд, претерпело некоторые трансформации, пока не стало классически советским, т. е. приоритетным для всей экономики страны. В целом промышленная политика большевиков в период между двумя мировыми войнами в своем развитии претерпевала вполне логичные изменения и объективно была ответом на постоянно меняющиеся экономические и политические условия. Развитие военной промышленности оказалось органически связанным с этим процессом. По нашему мнению, можно выделить следующие этапы развития политики большевистской партии по отношению к военной промышленности.

Первый этап: октябрь 1917 — середина 1918 г. После так называемого «Триумфального шествия» советской власти большевики в союзе с боевыми организациями левых эсеров укрепились у власти и начали проводить в жизнь свою политическую программу: национализацию промышленности, аграрную реформу и так далее. Сделав ставку на подписание мира и выход из войны любой ценой, большевики первоначально не планировали уделять серьезное внимание военной промышленности, взяв курс на демилитаризацию. В связи с завершением военных действий, количество военных заказов сократилось, а отрасль впала в кризисное состояние. Вместо регулярной армии, создавалась милиционная система [6, с. 235—264].

Второй этап: середина 1918 — март 1921 гг. После перерастания отдельных стычек с контрреволюционными силами в полномасштабную гражданскую войну весной-летом 1918 г., отношение большевиков к военной промышленности и военному строительству в корне изменилось.

Вместо милиционного принципа формирования вооруженных сил на добровольной основе, пришлось вводить воинскую повинность формирования Красной армии и усиливать дисциплину. Благодаря комплексу мобилизационных политико-экономических мер, получивших название «военный коммунизм», в период Гражданской войны большевикам удалось наладить работу доставшейся им военной промышленности и без посторонней по-

мощи достичь победы над контрреволюционными силами.

Были достигнуты даже определенные успехи в развитии военной промышленности по сравнению с предыдущим периодом. Так, на Сормовском заводе удалось организовать мелкосерийное производство танков, на основе передовой французской конструкции «Renault-FT». Однако отсутствие опыта танкового производства, недостаток грамотных технологов и низкое качество управления не позволили продолжить это начинание и использовать их на фронтах войны [9, с. 34—41].

Революционные события в целом дезорганизовали работу военной промышленности, произошло падение трудовой дисциплины, начался массовый отток квалифицированных кадров с предприятий. Расстройство промышленности осложнялось плохо организованной эвакуацией оборудования важнейших Петроградских заводов, в связи с угрозой захвата города немецкими войсками летом 1918 г. Большая часть грузов, направленных в центральную Россию, не дошла до адресатов и была утеряна.

В годы «военного коммунизма» не предпринималось каких-либо системных попыток кардинальной трансформации и совершенствования работы промышленности в рамках национальной экономики. Это связано с тем, что основным приоритетом для большевиков являлась мировая революция, первым актом которой, как они считали, стала революция в России. Революционные события в Германии, Венгрии и локальные восстания в ряде других стран Европы давали им в тот момент большие основания полагать, что так это и случится.

Завершение Гражданской войны, в условиях, как казалось многим большевистским деятелям, временной «неудачи» мировой революции потребовало решения комплекса тактических задач по стабилизации экономики. Чрезвычайные методы управления периода «военного коммунизма» в городе и деревне вызвали недовольство даже тех групп населения, которые изначально поддерживали политику большевиков, либо сохраняли нейтралитет. «Кронштадский мятеж» (1921 г.) и выступления крестьян в Тамбовской губернии (1920—1921 гг.) были ярчайшими маркерами социальной и политической напряженности в стране. А результатом этих событий стал курс на «Новую экономическую политику» (НЭП), провозглашенный высшим руководством партии большевиков.

О периоде НЭПа (1921—1928 гг.) можно говорить и как о следующем, *третьем этапе развития экономической политики большевиков в военной отрасли*. В первую очередь произошел отказ от чрезвычайных методов управления экономикой в целом, при сохранении мощного государственного сектора в металлургии, металлообработке и легкой промышленности. Началось развитие частного предпринимательства в сфере производства потребительских товаров, сельского хозяйства, сфере услуг. Шел процесс восстановления народного хозяйства.

На фоне этих событий, предприятия военной промышленности с трудом интегрировались в народное хозяйство молодой советской республики.

После завершения активной фазы гражданской войны происходит падение объемов военных заказов а, следовательно, материально-технического, продовольственного и денежного снабжения ее кадров. Профсоюзные организации и директора заводов вынуждены были переходить на выпуск ширпотреба, либо заниматься частичной продажей оборудования и материальных запасов, поддерживая свое существование [7, с. 18].

Ситуация осложнялась тем, что, несмотря на наличие элементов рынка в политике НЭПа, предприятия военной промышленности массово не переводились на принципы трестовского хозрасчета, т. е. не были приспособлены к условиям сложившегося рынка, с доминированием крупной текстильной и мелкой металлообрабатывающей и кустарной промышленности. Таким образом, реорганизация военной промышленности, продолжалась в условиях недофинансирования и постоянного усиления элементов конверсии. По завершению в 1924 г. денежной реформы, государству пришлось урезать финансирование и дотации на содержание ряда предприятий, в том числе и военных, чтобы достичь стабилизации валюты на внутреннем рынке [7, с. 18—19]. Около 8 тыс. чел. было уволено с военных заводов. Так 12 из 62 (20 %) военных заводов были выведены из-под управления Главного управления военной промышленности Всесоюзного совета народного хозяйства (ГУВП ВСНХ), сменив профиль, а свободные мощности оставшихся активно привлекались для размещения гражданских заказов [10, с. 56].

Это время было позитивно использовано отраслью в целом. Период военно-политического затишья был использован для частичной модернизации оборудования и агрегатов, проводившейся путем закупки их в развитых капиталистических странах, таких как США и Германия. С последней у СССР были налажены тесные торгово-экономические отношения еще со времен Рапальского договора (16 апреля 1922 г.). К началу 1925 г. за границей было закуплено порядка 1500 ед. современных металлорежущих станков, кузнечно-прессового оборудования и других агрегатов. Увеличивалось количество инженерно-технических работников, демобилизованных из армии, что позитивно сказалось на качестве управления производством и технологической дисциплине [10, с. 56].

Несмотря на то, что в период с окончания активной фазы Гражданской войны до конца 1920-х гг. советской власти удалось частично реформировать военную промышленность, провести ограниченную модернизацию оборудования и отойти от практики чрезвычайщины по принципу «военного коммунизма», базовые противоречия так и не были устранены. Эффект от включения военных заводов во внутренний рынок на основе хозрасчета и трестовской формы организации, серьезно снижался вследствие серьезного технического отставания советской промышленности от уровня передовых стран Европы и США. Кроме того, сами принципы организации производства оставались старыми, а популярная и актуальная на тот период времени «научная организация труда» внедрялась лишь эпизодически.

Существующие мощности не позволяли выпускать современную боевую технику, вооружения и боеприпасы для нужд Красной Армии в полном объеме, даже в соответствии с утвержденными мобилизационными планами [1, с. 65—69].

Реализация планов экономического развития была невозможна на старой промышленной базе. Единственным выходом из создавшегося положения, стала массовая закупка оборудования за рубежом. В 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) выпустило постановление «О привлечении иностранных техников и обучении наших техников за границей». Тогда же в СССР начали массово приезжать американские специалисты, а советские инженеры и рабочие проходили стажировку за рубежом [12, с. 46—56].

По мере постепенной нормализации внешне-политических отношений со странами бывшей Антанты, начали развиваться тесные торгово-экономические связи и с США. Уже к 1927 г. экспорт США в СССР вырос более чем вдвое по сравнению с довоенным уровнем, а в начале 1930-х гг. он составлял пятую часть всего советского импорта. При этом Соединенные Штаты заняли второе место после Германии в торговле с Советским Союзом [12, с. 46—56]. В Америке проводились не только закупки станков и оборудования, но и военных технологий. Лозунг «Учиться у Американцев!» стал активно распространяться в среде научно-технических и хозяйственных работников советской промышленности.

Особым периодом стало массовое промышленное строительство первых пятилеток. Именно эти предприятия затем и стали базой военной промышленности СССР. Несмотря на значительные успехи первых двух пятилеток и завершение формирования материально-технической базы советской промышленности, итоги ее оказались неоднозначными. В советской историографии успехи индустриализации традиционно рассматривались как героический подвиг народа, сумевшего в короткий срок ликвидировать промышленное отставание от передовых стран Запада [2; 4; 13]. Возникли с нуля целые отрасли промышленности ранее не существовавшие в стране, и это, бесспорно, факт. Тем не менее, только на современном этапе развития исторической науки стали говорить о противоречивости протекания процесса индустриализации, который сопровождался административными перегибами, фактами бесхозяйственности и ошибками в экономическом планировании.

Большое внимание уделялось идеям менеджмента и практике управления производством, возникшим в капиталистическом мире, но способным принести пользу советскому проекту. Идеи «классической школы» менеджмента, применительно к практике крупносерийного поточно-конвейерного производства были творчески переработаны в рамках так называемого движения «научной организации труда» [5]. Работы Г. Форда рекомендовались руководителям трестов и предприятий в качестве образца рационального хозяйствования. В этих условиях общий информационно-идеологический фон конца 1920 — начала 1930-х гг. способствовал формированию в среде руководителей производства

советской промышленности взглядов, согласующихся с основными идеями системы Г. Форда, а закупленное за границей оборудование и технологии потенциально обеспечивали развитие массового крупносерийного производства, как в военном, так и гражданском секторах машиностроения. Тем не менее, не стоит переоценивать увлечение идеями Генри Форда в СССР. К «Фордизму» всегда относились с осторожностью, учитывая, что это «буржуазная» теория, а сам Г. Форд — известный и крупный капиталист, долго выступавшим как непримиримый борец с профсоюзами.

Важным фактором, позволившим начать перевод предприятий военной промышленности на трестовскую форму управления и практику хозрасчета, стало планомерное повышение степени их вовлечения во внутренний рынок Советской России. Благодаря этому стало возможно производить технически сложную мирную продукцию силами оборонных заводов. Уже в 1926—1927 гг. было сформировано 5 трестов оборонной промышленности, куда вошло порядка 50 производственных единиц. Из них: в составе Орудийно-арсенального — 14 предприятий, Патронно-трубочного — 8 предприятий, Военно-химического — 12 предприятий, Оружейно-пулеметного — 5 предприятий, авиационного — 11 предприятий. С осени 1926 г. военная продукция стала включаться в единый государственный народно-хозяйственный план, построенный в то время на принципах индикативного планирования. По официальным утверждениям, уже в 1925 г. советская промышленность в основном, а к 1927 г. в целом восстановила довоенный уровень производства [10, с. 57].

К концу 1920-х гг. в результате обострения внутрипартийной борьбы к власти приходит «группа Сталина», что привело к серии последовательных глубинных социально-экономических трансформаций в СССР. Эта группа партийной элиты отражала в своей политике все возрастающую степень понимания того, что мировая революция если и произойдет, то в долгосрочной перспективе. Поэтому социалистическое государство вынуждено находится во «враждебном капиталистическом окружении». Более того, опыт международного сотрудничества и торговли с развитыми капиталистическими странами, анализ состояния складывающегося глобального мирового рынка машин и оборудования выявил усиление степени отставания промышленного потенциала СССР [11, с. 60—75].

Исходя из этого, начало формирования капитальной базы военной промышленности в СССР ряд исследователей датируют концом 1920-х — началом 1930-х гг. Так, Н. С. Симонов считает началом «военную угрозу» 1927 г. [10, с. 59—63], а Л. Самуэльсон — постановления «О состоянии обороны СССР» и «О военной промышленности», принятые Политбюро в июле 1929 г. [8, с. 97—103]. И. В. Быстрова указывает на переписку И. В. Сталина и М. Н. Тухачевского в 1930—1932 гг. в отношении «японской опасности» и необходимости кардинальной трансформации не только армейского строительства, но всей системы оборонной промышленности [1, с. 65—68]. В таком случае, внешняя

военная угроза конца 1920-х гг. стала лишь поводом, для того чтобы приступить к решению жизненно важного для советского государства вопроса — общей модернизации промышленного потенциала на основе самых современных технологий. Это была действительно серьезная проблема, поскольку военная промышленность СССР уступала аналогичным мощностям одной только Франции по производству боевых самолетов — в 7 раз, танков — в 20 раз, пулеметов — в 2 раза, винтовочных патронов — в 7 раз, и т. д. [10, с. 58].

Из этого следует *четвертый этап развития военно-промышленной политики* большевиков, в основном совпадающий с годами первых двух пятилеток форсированной индустриализации в СССР (1929—1937 гг.). В этот период начинается складываться особое отношение к военной промышленности, заимствуются самые передовые технологии производства, реконструируются старые военные заводы, создаются новые предприятия, конструкторские бюро, отраслевые научно-исследовательское институты.

Для ликвидации отставания от ведущих военных держав Европы, уже к концу 1920-х гг. начинают закупать лицензии на производство перспективных видов военной техники в области танкостроения и авиастроения. Утверждаются долгосрочные программы развития ВВС и бронетанковых войск. Теория и практика применения этой боевой техники в СССР начинает ориентироваться на самый передовой опыт Великобритании, Германии и др. государств. По примеру закупленных в США, Великобритании прототипов в СССР создаются конструкции самых распространенных в 1930-е гг. танков: Т-37/38, БТ и Т-26. Эта техника была воспроизведена и усовершенствована исходя из возможностей развивающейся ускоренными темпами танковой промышленности, в соответствии с существовавшей на тот момент стратегией строительства вооруженных сил. Большинство машин ранних серий оказалось технически не надежными, требовали постоянного ремонта и модернизации. Это объясняет наличие большого числа различных модификаций в составе довоенного танкового парка СССР. Шел поиск нового, поэтому просчеты и ошибки были естественны. В первой половине 1930-х гг. складываются базовые центры танкостроения: в районах Ленинграда, Москвы, Харькова, сохранявшими свой потенциал до начала эвакуации осенью 1941 г. [10, с. 75—83].

Начиная с середины 1930-х гг., и до начала Второй мировой войны советскими конструкторами были разработаны оригинальные проекты средних и тяжелых танков с противоснарядным бронированием (А-32, Т-34, СМК, Т-100, КВ). Эти машины сочетали в себе как новейшие прорывные технические решения, так и архаические конструктивные элементы. Кроме того, находящаяся в стадии становления современная индустриальная база СССР ограничивала возможности этих конструкций относительно низким качеством изготовления и промышленной культуры.

Происходит трансформация системы управления промышленностью. Для своевременного выполне-

ния программы первой пятилетки и обеспечения нужного государству распределения финансовых и материальных ресурсов происходит переход к методу директивных нарядов и назначений. Основную нагрузку принимают на себя сформированные по отраслевому принципу главные управления — «главки», сменив трестовскую систему регулирования промышленности периода НЭПа. Форсированная индустриализация привела к формированию чрезвычайно-мобилизационной модели экономического развития. По сути это напоминает возврат к принципам чрезвычайного управления по типу военного времени. Снабжение продовольствием начинает преимущественно контролироваться государством, но денежное выражение зарплаты сохранялось, поскольку рынок товаров и услуг все же оставался, пусть и в довольно усеченном виде.

Равновесие в экономике теперь поддерживалось не рыночными принципами, а сложной и разветвленной системой органов экономического согласования и управления (отвечающие за планирование, статистику, контроль, распределение, производство). Эти органы в результате своей деятельности вели постоянную борьбу с проявлениями и последствиями бюрократизма, бесхозяйственности, диспропорциями и иными органическими пороками военно-мобилизационной и планово-распределительной экономической модели.

Мобилизационная, командная модель управления экономикой, со всеми сопутствующими пороками, допустима в военное время, в ситуации ограничения ресурсов, поскольку конечный результат, а не его цена, является определяющим критерием. С точки зрения реалий СССР, периода индустриализации, «команде Сталина», проводившей техническую модернизацию производств, удалось добиться значительного выигрыша во времени, однако с высокими издержками и затратами. Во всяком случае, характер и итоги индустриализации СССР, до сих пор не позволяя прийти к единому мнению представителям противоборствующих идеологических убеждений, причем не только в историографии.

В данном случае у партийно-государственного руководства практически не было реального выбора, кроме как мобилизационного, учитывая довольно низкий «стартовый капитал» советской экономики, ограниченность времени и с учетом глобальности целей и задач управления.

Здесь сложно не согласиться с мнением Н. С. Симонова: «Чтобы успеть к 1932—1934 годам преодолеть военно-техническую отсталость у СССР, иного способа накопить, распределить и использовать материально-финансовые ресурсы, не было. В конце концов, это признали и сторонники умеренных темпов индустриализации и ненасильственных методов коллективизации в партии во главе с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и М. Н. Томским, которые в 1929/30 г. выступали против введения чрезвычайных мер и соответствующей им экономической политики» [10, с. 72]. Кроме того, атмосфера чрезвычайности, мобилизационный порыв должны были укрепить личную власть И. В. Сталина и его политического окружения, отвлечь внимание от разворачивающегося всеоб-

емлющего процесса трансформации существовавших в годы НЭПа принципов государственного управления.

В связи с этим необходимо признать, что созданный с большими усилиями в первой половине 1930-х гг. военно-технический потенциал Красной армии имел для того времени довольно низкое качество. Уже к 1938 г. серийные образцы бронетехники, выпущенные в 1929—1935 гг. по большей части выработали свой ресурс. Эта техника по оценкам современников была в ужасном состоянии, валялась на территориях воинских частей с неисправными двигателями, трансмиссией, часто без вооружения. При отсутствии запчастей ремонт одних танков осуществлялся путем разбора на запчасти других [10, с. 100]. Кроме низкого качества изготовления и проблем с надежностью данной техники, которые справедливо могут быть поставлены на вид промышленности, ответственность за такое положение дел в полной мере должен разделить и личный состав Красной армии, обладавший довольно низкой технической подготовкой и, по чьей вине, она так же нередко выходила из строя.

В 1930-е гг. в СССР ускоренными темпами создавалась современная авиационная промышленность. Уже в 1937 г. в стране насчитывалось 57 авиационных заводов, где трудилось более 249 тыс. человек. К концу года в авиационной промышленности было сосредоточено 23 тыс. металлорежущих станков. Тем не менее, и этот значительный потенциал часто не использовался самым эффективным образом.

Так, в докладе начальника Управления материально-технического снабжения Рабоче-крестьянской Красной армии (УМТС РККА) И. П. Белова для оборонной комиссии Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 13 сентября 1936 г. отмечается отставание советских авиационных заводов от американских в отношении интенсивности внедрения элементов поточно-конвейерного производства. Автор доклада отмечает, что методы отработанные в автомобильной промышленности США с успехом внедряются в авиастроении, а именно: массовое применение штамповки, анодирования алюминиевых деталей, сварка, прессовые клепальные аппараты и многое другое. В завершении доклада И. П. Белов отметил, что организация производства, технологический процесс и механизация на советских заводах значительно отстают от передовой авиатехники [10, с. 103].

Пятый, заключительный этап промышленной политики в предвоенный период (1939—1941 гг.) находился целиком и полностью в логике осознания неизбежности грядущей мировой войны и попыток руководства страны к ней насколько это возможно в столь малый отрезок времени, подготовиться. Это выразилось не только в постепенном и неуклонном росте числа Вооруженных Сил СССР, переходом от территориального комплектования армии к всеобщей воинской обязанности, а так же прямым или косвенным участием советских войск в ряде локальных конфликтов. Параллельно с этим разворачивался процесс все возрастающей милитаризации советской экономики, вступивший в финальную фазу летом 1940 г. Создаются обновленные моби-

лизационные планы, определяются и создаются предприятия-дублеры в тыловых районах СССР, для ведущих военных заводов, расположенных в непосредственной близости от западных границ советского государства. Тем не менее, острым оставался вопрос качества военно-экономического потенциала, накопленного СССР в период первых двух и предвоенной пятилеток. Несмотря на значительные успехи во всех отраслях промышленности, а в особенности в машиностроении, руководству СССР не удалось до конца изжить комплекс организационно-технических проблем, возникший в самом начале форсированной индустриализации.

К концу 1930-х гг. в советской военной промышленности отмечается рост удельного веса современных высокопроизводительных технологий, характерных для системы поточно-конвейерного производства, таких как: холодная и горячая штамповка, прессование, литье и др., что позволило повысить качество заготовительных работ и добиться экономии сырья. Происходит широкое внедрение аккордно-премиальных работ, а также элементов экономической мотивации к труду. «Фордистские» принципы организации производства и технологического процесса прочно закрепились в автомобильной и тракторной промышленности, однако с трудом воспринимались военным производством, в связи со сложностью конструкции отдельных объектов и недостатком квалифицированных кадров.

Несмотря на успехи промышленной политики ВКП(б) в конце 1930-х гг. на большинстве советских предприятий, занятых военным производством, господствовала в основном мелкосерийная сборка и не была отлажена технология массового и поточно-конвейерного производства. Тем не менее, несмотря на многочисленные недостатки в работе, связанные с родовыми изъянами административно-командной модели управления экономикой, со своей главной задачей — в кратчайшие сроки оснастить Красную армию современными видами вооружения — военная промышленность СССР справилась. Были заложены и отработаны базовые принципы руководства и взаимодействия ведущих оборонных наркоматов и подготовлена управленческая элита высшего и среднего ранга, в целом оказавшаяся дееспособной в жесточайших условиях Великой Отечественной войны.

Вопрос необходимости проведения индустриализации в столь сжатые сроки и оценка качества созданного производственно-технического потенциала, до сих пор остаются дискуссионными, на них нет единого и убедительного ответа [3, с. 115—122; 7, с. 8—15, 61—67]. Большевикская власть сразу же после революции стала «нерукопожатной» на мировой арене, поскольку их идеология несла системную опасность для тогдашней мировой экономической системы капитализма (империализма). Коренные идеологические противоречия большевизма и капиталистической системы, претензии Советской России на статус независимого от стран Запада центра глобализации сделали невозможным построение устойчивой модели государственно-монополистического капитализма.

Несмотря на то, что политическая и экономическая модель НЭПа оказала позитивное влияние на процесс выхода экономики страны из тяжелого кризиса в связи с последствиями Первой мировой и Гражданской войн, ее потенциала было недостаточно для обеспечения качественного скачка в развитии промышленного потенциала [7, с. 73].

Опыт ускоренной трансформации промышленности на основе социалистического ведомственно-бюрократического планирования, в момент своего осуществления не имел себе мировых аналогов и проводился в условиях очень ограниченных по своему качеству ресурсов. В результате к концу 1930-х гг. в СССР сложилась замкнутая экономическая система, с невысокой степенью зависимости от мирового капиталистического пространства. Ведомства и отдельные предприятия внутри нее активно устанавливали горизонтальные связи, которые не были четко зафиксированы, что давало возможность ситуативно реагировать на изменяющиеся условия. К концу 30-х гг. в партийно-государственном руководстве СССР сложилось такое отношение к военной промышленности, которое стало классическим в послевоенное время, т. е. определяющим всю экономическую политику страны в целом.

Литература и источники

1. Быстрова, И. В. Советский военно-промышленный комплекс 1930 — 1980-е гг.: проблемы становления и развития / И. В. Быстрова. — М.: Изд-во ИРИ РАН, 2006. — 704 с.
2. Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. — М.: ОГИЗ, 1948. — 190 с.
3. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С. Н. Гавров. — М., 2004. — 352 с.
4. История Второй Мировой войны. 1939—1945 / под ред. А. А. Гречко и др. : в 12 т. — М., 1982.
5. Лавров, Н. С. Основы организации труда и производства / Н. С. Лавров. — Л., 1926. — 222 с.
6. Ленин, В. И. Избранные произведения: в 6 т. / под общ. ред. В. В. Адоратского и др. — Т. 4. — М., 1935. — 716 с.
7. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. — Челябинск, 2012. — 662 с.
8. Самуэльсон, Л. Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921—1941 / Л. Самуэльсон. — М.: АИРО-XX, 2001. — 296 с.
9. Свирин, М. Н. Броня крепка. История советского танка 1919—1937 / М. Н. Свирин. — М.: Яуза; Эксмо, 2005. — 381 с.
10. Симонов, Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е гг. / Н. С. Симонов. — М.: РОСПЭН, 1996. — 336 с.
11. Сталин, И. В. Сочинения : в 30 т. / И. В. Сталин. — Т. 8. — М., 1953. — 406 с.
12. Супоницкая, И. М. Американизация советской России в 1920—1930-е гг. / И. М. Супоницкая // Вопросы истории. — 2013. — № 9. — С. 46—59.
13. Чадаев, Я. И. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Я. И. Чадаев. — М.: Мысль, 1965. — 388 с.

Поступила в редакцию 07 сентября 2017 г.

ЗАПАРИЙ Василий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: pantera.zap@gmail.com.

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2017, vol. 17, no. 4, pp. 39—45*

DOI: 10.14529/ssh170406

MILITARY-INDUSTRIAL POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN 1917—1941: ACHIEVEMENTS AND PERFORMANCES

V. V. Zapary, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, pantera.zap@gmail.com

The author proposes a periodization of industrial policy outlines the stages and presents a brief analysis of their main content. The work considers a complex of management decisions taken by the party regarding the military industry in the context of socio-economic and military-political events of that era. The evaluation of the Bolshevik experiment on building a socialist, command-bureaucratic model of economic management is given, and the reasons for its formation are examined. The article shows the contradictory nature of the results of forced industrialization in the years of the first five-year plans, and the quality of the military-technical potential received is estimated. The transformation of the views of the Bolshevik party into the role of the military industry is shown: from a relatively neutral one, conditioned by the need for stabilization, in anticipation of a «world revolution», to a classical, Soviet approach that presupposed the paramount attention to the needs of military production within the framework of building «socialism in a single country».

Keywords: October revolution, socialist economy, military industry, politics, modernization, Bolshevism, industrialization.

References

1. Bystrova I.V. *Sovetskiy voyenno-promyshlenny kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930-1980-ye gody)* [Soviet military-industrial complex: the problems of formation and development (1930-1980-ies)]. Moscow: IRH RAC, 2006, 704 p. (in Russ.).
2. Voznesensky N.A. *Voyennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [Military economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow: OGIZ, 1948, 190 p. (in Russ.).
3. Gavrov S.N. *Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnyye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the name of the empire. Sociocultural aspects of modernization processes in Russia]. Moscow: Editorial URSS, 2004, 352 p. (in Russ.).
4. *Istoriya Vtoroy Mirovoy voyny 1939—1945* [History of the Second World War. 1939-1945]. Ed. A.A. Grechko and others. In 12 vols., Moscow, 1982. (in Russ.).
5. Lavrov N.S. *Osnovy organizatsii truda i proizvodstva* [The fundamentals of the organization of labor and production]. Leningrad: Leningrad Gubprofsovet Publishing House, 1926, 222. p. (in Russ.).
6. Lenin V.I. *Izbrannyye proizvedeniya v shesti tomakh* [Selected works in six volumes]. Under total. Ed. V.V. Adoratsky and others. Vol. 4. Moscow: Publishing House of the Central Committee of the VKP (B.), 1935, 716 p. (in Russ.).
7. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii KHKH veka. Sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Mobilization model of the economy: the historical experience of Russia of the twentieth century. Collection of materials of the II All-Russian Scientific Conference]. Ed. G.A. Goncharova, S.A. Bakanova. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2012, 662 p. (in Russ.).
8. Samuelson L. *Krasnyy koloss. Stanovleniye sovetskogo voyenno-promyshlennogo kompleksa 1921 — 1941* [Red Colossus. Formation of the Soviet military-industrial complex. 1921 — 1941]. Moscow: Airo-Kh., 2001, 296 p. (in Russ.).
9. Svirin M.N. *Bronya krepka. Istoriya sovetskogo tanka 1919-1937* [Armor is strong. The history of the Soviet tank 1919-1937]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2005, 381 p. (in Russ.).
10. Simonov N.S. *Voyenno-promyshlenny kompleks SSSR v 1920 — 1950-ye gg* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920s-1950s]. Moscow: ROSPEN, 1996, 336 p. (in Russ.).
11. Stalin. I.V. *Sochineniya* [Compositions]. Vol. 8. Moscow, 1953, 406 p. (in Russ.).
12. Suponitskaya I.M. *Amerikanizatsiya sovetskoy Rossii v 1920-1930-ye gg.* [Americanization of Soviet Russia in 1920-1930-s]. Questions of History, No. 9, September 2013, pp. 46-59. (in Russ.).
13. Chadayev Y.I. *Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg.* [Economics of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945]. Moscow: Thought, 1965. — 388 p. (in Russ.).

Received September 07, 2017